

Жалеть его? Ци Боянь все еще хотел, чтобы Цзи Ван пожалел его — Цзи Ван чуть не рассмеялся. Терпеть его снова и снова было недостаточно, он все еще хотел, чтобы он стал посмешищем, превратился в развлечение и снова послужил ему опорой для осуществления своей мести.

Испытывал ли Ци Боянь когда-нибудь жалость к нему?

Может быть, так оно и было. Когда он тогда сказал Ци Бояню, чтобы тот проваливал, мужчина исчез, не оглядываясь.

Как же он был глуп в то время. Если бы прошлый Ци Боянь преследовал его так же беззастенчиво, как сейчас, возможно, Цзи Ван все равно бы его простил. Любовь сбивает людей с толку и превращает их в охотно дураков.

Цзи Ван холодно сказал:

— Тебе обязательно заставлять меня чувствовать себя так невыносимо?

Ци Боянь прекратил шарить руками по его груди и тихо спросил:

— Невыносимо?

Он вынул руку из-под одежды Цзи Вана. После того, как тепло его ладони исчезло, в груди Цзи Вана стало немного холодно.

— Верно, в прошлом ты был настроен на поиск омеги. Ты действительно не выносил отношений альфы с альфой, — усмехнулся Ци Боянь.

Цзи Вану не хотелось ничего объяснять, поэтому оставил все как есть. Если бы эта причина могла заставить упрямо эгоистичного Ци Бояня отступить, это было бы идеально.

Он слегка приподнял уголки губ, пытаясь улыбнуться, но не получилось:

— Я не знаю, почему ты вдруг снова заинтересовался мной.

Цзи Ван спокойно добавил:

— Чем больше я отказываюсь, тем энергичнее ты становишься. Может быть, если я пересплю с тобой один раз, ты, наконец, отпустишь меня.

Цзи Ван сразу понял, что добился успеха. Его слова задела Ци Бояня, заставив руки последнего полностью отстать от его тела.

С чего бы Ци Бояню так стараться преследовать Цзи Вана, трудную цель, чтобы переспать с ним после того, как его ударили, ругали и относились к нему как к жеребцу?

Ци Боянь больше не чувствовал себя уверенно, и даже упрямо сжал плечо Цзи Вана и развернул его:

— Ты серьезно?

Цзи Ван молчал, и Ци Боянь сказал:

— Проведи со мной одну ночь, а потом...

— Просто сделаем вид, что мы никогда не встречались, — Ци Ван прервал слова Ци Бояня и предложил сделку.

Может быть, он сошел с ума. Его разум был затуманен алкоголем и Ци Боянем. Вред от последнего, очевидно, был намного серьезнее, чем от первого.

Ци Боянь прошелся по телу Цзи Вана, как нож, и в конце концов пришел к выводу:

— Ты пьян.

Цзи Ван не ожидал, что Ци Боянь первым уйдет от темы. Он думал, что Ци Боянь либо уйдет в ярости, либо затащит его в последнюю кабинку туалета и займется с ним сексом прямо здесь.

Ци Боянь положил руку на щеку Цзи Вана. Он опустил ресницы. Когда его лицо отразилось в его зрачках, он выглядел очень нежным, заставляя почти поверить ему.

Он рукой вытер капли воды с лица Цзи Вана, и нежным голосом сказал:

— Не сердись, я больше не буду тебя беспокоить. Возвращайся и хорошенько отдохни.

После этих слов казалось, что Ци Боянь был очень учтивым парнем, в то время как Цзи Ван был тем, кто создавал проблемы без причины.

Ссора или драка были бы гораздо освежающими по сравнению с этой текущей ситуацией.

Бить по хлопку было еще более раздражающе.

Ци Боянь обхватил его лицо руками и поцеловал в лоб, медленно продвигаясь к уголку губ:

— Я знаю, что ты не забыл меня.

Такое уверенное отношение вызвало у Цзи Вана желание сказать что-нибудь жестокое.

Он подумал, что Ци Бояню действительно стоит скоро пойти в индустрию развлечений, но не

как певцу, а как актеру. Его актерские навыки были лучше, чем у самого Цзи Вана.

Ци Боянь сказал:

— Ты не можешь забыть меня, я сказал это, когда ты уходил.

Он снова прижал ладонь к груди Цзи Вана и коснулся кончиками пальцев его сердца:

— Я всегда буду здесь. Неважно, кого ты найдешь позже, это бесполезно. Ты всегда будешь возвращаться ко мне.

Голос Ци Бояня, который СМИ восхваляли как одаренный, был абсолютно трогательным, когда он произносил эти слова любви.

Однако Цзи Ван не испытывал никакой радости и даже был немного смущен и расстроен.

Это было потому, что эти слова были похожи на проклятие. По правде говоря, Ци Боянь был прав. Когда он расстался с Ци Боянем, у парня, к которому он когда-то благоволил, были красные глаза, и он поклялся ему: «Ты пожалеешь об этом».

Цзи Ван до сих пор помнил тот разговор, и его ответом было: «Не пожалею».

Ци Боянь сказал: «Ты меня не забудешь».

«Я забуду тебя», — серьезно ответил Цзи Ван. Он был еще так молод, что никто не мог не забыть кого-то другого за всю свою жизнь.

Затем он оставил Ци Бояня, хотя в тот день у того был день рождения.

Ци Боянь, стоявший перед ним, обхватил ладонями его лицо, покрывая поцелуями один за другим его лоб, вниз к векам, переносице и, наконец, медленно останавливаясь на его губах, не двигаясь.

Когда дело доходило до соблазнения, Ци Боянь шестилетней давности был уже достаточно хорош. Настолько хорош, что Цзи Ван был без ума от него.

Он спросил:

— Могу я тебя поцеловать?

Когда он сказал это, легкое дуновение коснулось губ Цзи Вана.

Глаза Ци Бояня также были прикованы к губам Цзи Вана, как будто он был так голоден, что хотел проглотить кости Цзи Вана.

С другой стороны, он все же спросил мнение Цзи Вана, несмотря на то что очевидно «отметил» его вчера.

Ответ Цзи Вана был...

— Нет.

Нельзя снова упасть на том же месте. Он был полон решимости не повторять тех же ошибок. Даже если он не мог забыть, даже если он не встретил кого-то лучше.

На самом деле, было бы немного притянуто за уши говорить, что он не встречал никого лучше.

После того как Цзи Ван вошел в этот круг, многие люди выражали к нему симпатию.

Красивые, нежные, искренние в своих чувствах — все они были очень хороши, но он не был готов.

Даже он сам не знал, почему не хотел никого из них. Казалось, каким бы хорошим ни был человек, он чувствовал, что что-то не так. Это он замкнулся в себе, крепко привязанный к прошлому.

Это чувство стало яснее после того, как Ци Боянь пришел в индустрию развлечений. Он смотрел, как Ци Боянь становился все более успешным, сияющим и популярным, в конце концов став человеком, до которого он больше не мог дотянуться.

Он больше не был самим собой, молодым человеком, который просыпался утром со своими растрепанными длинными волосами; сталкиваясь с сердитыми упреками Цзи Вана из-за того, что у него болела спина, он кокетливо называл его «гэгэ» и подходил к Цзи Вану, прося поцелуй.

Прошлый Цзи Ван дал бы ему это, но нынешний Цзи Ван — нет.

Его подбородок повернулся вправо, и губы Ци Бояня упали в пустоту. Цзи Ван понемногу разжал руку Ци Бояня и увеличил расстояние между ними:

— Есть что-то, что ты сказал неправильно.

Ци Боянь, казалось, понял, что он собирался сказать, поэтому он протянул руку, чтобы схватить кончики пальцев Цзи Вана и крепко сжал их в своей ладони.

Таким образом, Цзи Ван не улетал, как птица, а Ци Боянь не мог ни удержать его, ни заставить остаться, оставшись на том же месте, испытывая раздражение и печаль.

Цзи Ван сказал:

— Я не вернусь к тебе.

Сказав это, он оттолкнул Ци Бояня и вышел из туалета. Ли Фэн стоял снаружи бог знает сколько времени с табличкой «Это место закрыто на техническое обслуживание» перед собой.

Сяо Сюй был неподалеку, тоже глядя в их сторону. Оказалось, что эти два помощника надежно охраняли здесь и не осмеливались никого впускать.

Когда Цзи Ван вышел, Сяо Сюй с облегчением увидел, что его шея не покрыта укусами и кровью, как вчера, и одежда все еще была на нем. Сяо Сюй не смог сдержать вздох облегчения.

Они оба проигнорировали приветствие Ли Фэна. Ли Фэн лишь с усмешкой вошел внутрь, чтобы найти своего Мастера* Ци. Звать его Мастером стало почти недостаточно. Ли Фэн мог бы называть его Предком Ци, лишь бы Ци Боянь сдержал слово и не создавал неприятностей.

Сяо Сюй тайно пожаловался Цзи Вану:

— Я хотел постучать в дверь, но лакей Ли остановил меня.

Цзи Ван взглянул на него:

— Ты не должен называть людей таким прозвищем. Он читал лекцию, словно наставляя ребенка, заставляя Сяо Сюя обиженно поджать губы.

Сяо Сюй:

— Они все из одной шайки. Когда он не позволил мне войти, я испугался, что внутри тобой воспользовались.

— Сяо Сюй, я альфа. Если я не хочу, кто может воспользоваться мной.

В тот год на своем дне рождения Ци Боянь впервые отметил его, заставив впасть в ложный гон. Когда он снова пришел в себя, Ци Боянь уже был внутри него.

Затем Ци Боянь достал магнитофон и поставил его перед Цзи Ваном.

Цзи Ван чуть не сошел с ума. Омега, который ему так нравился, обманывал его о своем вторичном поле, открыв правду только в тот день. Кроме того, что это вызвало у Цзи Вана гнев из-за обмана, еще более тревожило его безумие Ци Бояня.

Для чего нужен был магнитофон — чтобы угрожать ему?

В следующий миг он увидел, как Ци Боянь грубо вытащил магнитную ленту из магнитофона. Тонкая черная лента обвилась вокруг запястья Ци Бояня, сверкая и преломляя свет, словно естественное украшение.

Ци Боянь потянул за тонкую ленту, наклонился и связал руки Цзи Вана.

Его пот капал на кадык Цзи Вана. Обжигающей капли было почти достаточно, чтобы заставить дрожать все его тело.

Цзи Ван мог легко освободиться от хрупкой ленты, но он этого не сделал, хотя Ци Боянь вскоре начал второй раунд утех с ним.

Он был альфой, никто не мог принудить его, если он этого не хотел.

Что действительно сковывало Цзи Вана, так это не слабость из-за того, что он был отмечен, или запись, содержащая звуки, которые никогда не могли быть услышаны другими людьми, — это был он сам.

Он был готов.

<http://bllate.org/book/13928/1227218>